

УДК:7.033; 726.5

ББК 63.3(0)4; 83.3(0)4; 85.14

DOI 10.18688/aa2414-2-7

А. О. Вернер

География земная и сакральная в декоративной программе раннехристианской церкви пророка Моисея на горе Нево

Гора Нево с расположенным на ней церковным комплексом с раннехристианских времен почиталась как место, где, согласно библейской традиции, узрев Землю Обетованную, умер пророк Моисей (Втор. 34:10; Пс. 90:1). Нево находится на плоскогорье к востоку от Иорданской долины, в бывшей римской провинции Аравия (территория современной Иордании).

На протяжении XIX в. трансйорданские территории были объектом притяжения первых исследователей-ориенталистов, посещавших святы места Палестины. Исследование вершины горы Нево началось в 1850–60-е гг.¹ Как выяснилось в результате раскопок, проводившихся регулярно с 1930-х гг., история архитектурного развития базилики Моисея довольно сложна для реконструкции, поскольку с конца IV в. до первой половины VII в. церковь подвергалась многочисленным перестройкам. Это обусловило основной вектор в изучении ансамбля горы Нево: в 1941 г. С. Саллером была впервые предложена интерпретация архитектурной эволюции церкви Моисея от триконха к базилике [40], позже в 1960–80-е гг. дополненная В. Корбо и М. Пичирилло [13; 14; 29]. Анализ кладки здания, проведенный Э. Аллятой и Д. Бьянки, позволил уточнить отдельные фазы строительства и предложить новый вариант развития архитектурной композиции от базилики типа *sanctuaire carré*, через базилику-триконх к более традиционной для региона базилике с пастофориями [7]. Мозаики горы Нево были встроены Пичирилло в ряд основных мозаичных памятников региона — Мадабы, Маина, Умм-эр-Расаса, Эсбуса, Герасы и др. [33]. Однако, в отличие от архитектуры, интерпретация декоративной композиции базилики как целостной программы до сих пор остается вне фокуса большинства исследователей и требует отдельного рассмотрения.

Система декорации ансамбля церкви Моисея на горе Нево, включавшая множество напольных мозаик и резьбу, складывалась на протяжении всего VI в. и окончательно оформилась в начале VII в. Цель данной статьи заключается в том, чтобы продемонстрировать значимость библейской географии, по-разному преломлявшейся в мозаичных сюжетах, для декоративной и смысловой программы базилики.

Как свидетельствуют раннехристианские тексты², монастырь на горе Нево был важным центром в оформившейся начиная с IV в. сети паломнических монастырей, процветавших в центральной Трансиордании в византийский период. Основные точки притяжения паломников, центральной из которых был Иерусалим и его окрестности

¹ Подробнее об истории изучения монастыря на горе Нево см. [34].

² О паломнических текстах, упоминающих гору Нево, см. [35].

(Вифлеем, Вифания и др.), располагались на западном берегу в нижнем течении Иордана и на севере Мертвого моря [24]. Следующими по важности после этих ключевых святых мест паломническими направлениями служили монастыри и другие связанные с монахами-аскетами и отшельниками места, сосредоточенные в области, простиравшейся напротив Иерихона, от восточного берега Иордана до церкви Моисея на горе Нево [22, р. 14, 18]. Обязательной остановкой по пути из Иерусалима было место Крещения (Вифавара/Вифиния Заиорданская) на реке Иордан, напротив которого, на восточном берегу располагался увенчанный монастырем холм пророка Илии (Тель-эль-Харрар). Оттуда, свернув на развилке по дороге на Эсбус, верующие могли подняться на гору Нево, прежде чем отправиться на горячие источники Маина и совершить омовение по завершении паломничества [21, р. 29–32; 25, р. 295–297; 39, р. 109].

Локальный культурно-географический контекст играл важную роль для паломников, постоянно проводивших параллели между окружающей их реальностью и связанными с ней библейскими событиями. События Ветхого Завета актуализировались не через мистический визуальный и эмоциональный опыт, подобный описываемому в видениях египетских монахов VII в., а через совпадение реального и сакрального ландшафта, через физическое пребывание в том же месте и той же ситуации, в которой находились библейские персонажи. В частности, это слияние представлений о византийской Палестине и библейской Земле Израильской иллюстрируют «Ономастикон» Евсевия Кесарийского (нач. IV в.) и «Описание Святой Земли» архидиакона Феодосия (нач. VI в.), а также знаменитая мозаичная карта из Мадабы, на которой по-гречески подписаны названия местных городов и указана их роль в библейской истории. Несмотря на то, что отношение Отцов Церкви к выделению святых мест как исключительных по своей значимости было неоднозначным и скорее настороженным³, для паломников нахождение в том священном ландшафте, в котором происходили библейские события, было основополагающим мотивом путешествий. Это позволяло верующим, стремившимся лично убедиться в словах Писания и интерпретировать их [9, р. 10], легче конституировать смысл событий Писания через собственный телесный опыт, в непосредственном проживании пространственного, ольфакторного, тактильного и акустического своеобразия связанных с библейской историей мест.

Доминирующее в ландшафте положение было вдвойне значимо для монастыря Моисея, поскольку он не только стоял на месте ветхозаветных событий, но и позволял посетителям обозреть вид, открывавшийся на многие другие библейские земли. В некоторых паломнических текстах человеческие чувства выстраиваются в иерархию: зрение преобладает над осязанием и телесным чувством пребывания в пространстве⁴. Акт созерцания, действительно, играл важную роль во взаимодействии паломников со святыми местами. Так, испанская паломница последней четверти IV в. Эгерия сообщает, что она очень любопытна (*satiscuriosa*): посещая то или иное место, она просит, чтобы ей показывали что-либо «согласно Писанию» или же те «места, которые приятно видеть христианам» (*Itinerarium Egeriae*, XIX) [2]. Это желание увидеть всё

³ Например, Григорий Нисский во втором из своих писем (ок. 380 г.) высказывался против практики паломничества как теологически проблематичной, вступающей в противоречие с идеей божественной трансцендентности и всеприсутствия, однако сам посещал святые места Иерусалима [12, р. 13–16; 36; 6].

⁴ Об иерархии чувств в позднеантичной литературе см. [19, р. 110–119].

своими глазами можно было бы считать любопытством путешественника или даже определённым научным интересом, однако следует помнить, что эта потребность проявлялась лишь там, где происходили события Писания или хранились свидетельства библейского прошлого.

Главная цель паломника заключалась не в получении новой информации, но вобретении пищи для личной молитвы. Именно на ней фокусировалось визуальное восприятие окружающей действительности; библейские виды помогали паломнику достигнуть молитвенной цели, так как это были места памяти, где можно было увидеть, услышать и даже потрогать то, что непосредственно направляло внимание верующего на высшую реальность, оживляемую через созерцание [26, p. 72].

Важная роль визуального опыта в его связи с опытом духовным очевидна в тексте Эгерии. Значительную часть её повествования о горе Нево занимает описание мест, которые паломница смогла увидеть с вершины, стоя в дверях церкви. Она пишет: «люди, знакомые с местностью, то есть пресвитеры и святые отшельники, сказали нам: если вы хотите видеть места, о которых писано в книгах Моисея, то подойдите к дверям церкви и с вершины <...> смотрите внимательно, и мы вам скажем, что это за отдельные местности, которые видны. <...> Оттуда видна была большая часть Палестины, которая есть земля обетования, равно как и вся область Иордана, на сколько можно было обнять взором. <...> Все эти города, которые мы видели, были расположены на горах, а под ними, немного ниже, видна была равнина. И тогда сказали нам, что в те дни, когда святой Моисей и сыны Израилевы сражались против этих городов, на этой равнине был расположен их стан; ибо там были видны его следы» (*Itinerarium Egeriae*, XII) [2].

Таким образом, потребность укоренить библейское событие в окружающем ландшафте удовлетворялась благодаря тому, что монахи и паломники восстанавливали историчность эпизодов Писания через их привязку к реальности показываемого, видимого перед собой и ощущаемого под ногами пейзажа. Совпадение библейского прошлого и современного паломникам настоящего подчеркивалось и оживлялось в перформативном процессе чтения Писания. Как известно из паломнических текстов — в частности, из итинерария Эгерии, — посещение святых мест, будь то библейские места или могилы мучеников, включало в себя, кроме молитв и благословений, чтение соответствующих отрывков из Библии и псалмов: «У нас было постоянно обыкновение, когда мы прибывали на желаемое место, прежде всего произносить там молитву, затем прочитывать место из Писания, также как и один псалом, относящийся к событию, и произносить второй раз молитву» (*Itinerarium Egeriae*, X) [2]. Воспоминания о библейских событиях, происходивших непосредственно в тех местах, в которых зачитывался отрывок, перемещались в область наличного в виде произносимого/звучащего сейчас, в данный момент настоящего, текста, и прочнее связывались с окружающим ландшафтом.

В этом плане уместно предположить, что схожим образом работал и визуальный язык декора церкви Моисея на горе Нево, поддерживавшего тему Земли Обетованной. С одной стороны, наряду с псалмами, которые могли читаться на этом месте паломниками, мозаики были дополнением к окружающим церковью видам, а с другой стороны, подобно видам снаружи, служили визуальным стимулом к молитве внутри церкви.

Одним из главных и объединяющих всю систему декорации образов были избра-

жения местных фруктов и растений. Они встречали паломника сразу при входе в базилику: в главном нефе мотив палестинской растительности воплощался в форме колонн, капители которых были выполнены из местного песчаника в виде крон финиковых пальм [40, р. 62–63]. Миметический характер резьбы сохранившихся капителей силён в такой степени, что на большинстве из них типичное деление на калаф, завитки и волюты лишь намечено, а вся поверхность заполнена широкими пальмовыми листьями-вайями. Несмотря на то что пальма, очевидно, является типичным деревом региона, подобный тип капителей не относится к широко распространённым. Г. Шумахер, которому мы обязаны первым графическим воспроизведением капителей, указывает в числе немногих параллелей капители базилик в Беэр-Шеве и в Абиле (VI в.), одном из городов Декаполиса в Палестине Секунде [41, S. 165].

Кроме колонн-пальм, апсиду базилики украшала населённая лоза, а основное пространство храма аккумулировало изображения разнообразных плодов. Некоторые из них были организованы в композиции наподобие натюрмортов. Западное панно мозаики в приделе Богородицы (ок. 604 г., Рис. 1) состояло из двух частей, заключённых в рамку из усложненного меандра, чередующегося с квадратами, содержащими изображения фруктов или животных. Лучше всего сохранились изображения фруктов: кисть винограда и четыре граната с западной стороны и четыре груши с северной. Похожие мотивы заполняют два внутренних квадратных панно с композицией из четырёх переплетённых кругов, расположенных в виде греческого креста. В полуциркульных «рукавах» креста выложены растительные мотивы, а между рукавами сохранились изображения двух разных по форме фруктов и лежащих рядом с ними ножей [33, р. 302]. Очень близкие натюрморты, состоящие из фрукта с ножом, находятся в церкви Апостолов в Мадабе, церкви Львов в Умм-эр-Расасе и в церкви диакона Фомы близ Айн-Муса у горы Нево, в непосредственной близости от базилики Моисея [8].

Мозаики придела Богородицы перекликались с мозаикой в диаконнике-баптистерии (кон. VI в., Илл. 26). Она представляла собой панно из переплетающихся четырёхлистников, между которыми были расположены разнообразные геометрические и, главное, природные мотивы. Наиболее многочисленны были изображения фруктов: виноград, гранат, дыня и др. [33, р. 293–294]. Фруктовые мотивы украшали и мраморную плиту,

Рис. 1. Фрагменты мозаичного панно с изображением фруктов. Базилика Моисея на горе Нево, придел Богородицы. Ок. 604 г. Воспроизводится по: [29, р. 303]

скорее всего, бывшую частью кафедры. Основу её рельефной композиции образовывали завитки виноградной лозы. В окружении побегов располагались фрукты, в форме которых можно узнать один из видов цитрусовых (этрог?), повсеместно встречающийся в мозаичном репертуаре региона [5, р. 525–526]. Рядом с этим фруктом был изображён изогнутый нож, похожий на нож из мозаики с условным натюрмортом из придела Богородицы. Известны аналогичные примеры скульптурных композиций (с лозой, произрастающей из канфара, но с другими фруктами — кистями винограда, гранатами) из Герасы, Авдата, Хаммат-Тивериады. Сходство мозаичных и скульптурных композиций могло быть обусловлено тесным контактом мастеров, работавших вместе в декоративных мастерских с общими моделями [5, р. 527].

Изображение пищи на римских мозаичных полах было в целом традиционным и могло отражать эллинистическую концепцию *ξενία*, гостеприимства. С ней изначально была связана эта схема в греко-римском мире, где использовалась как символ социального статуса, отражая роскошь банкетов. В базилике Моисея использование старого мотива в новом контексте может ассоциироваться с иным отношением к идее изобилия, богатства и благополучия. Включение декоративного мотива натюрморта, некогда восхвалявшего изобилие и роскошь застолья римской элиты, в сакральный контекст отражало сдвиг фокуса с мирских богатств на благополучие царства Божия⁵.

Подобная трансформация от материального к нематериальному происходит на уровне самого предмета, изображённого на мозаике: изображение фруктов, реальных продуктов питания, будучи выложенным из тессер, приобретает нематериальный характер. И эта техническая трансформация может приобретать теоретическое осмысление: так, описывая настенную декорацию базилики в Ноле, Павлин Ноланский определяет способ восприятия христианского искусства в терминах, связанных с питанием, — изображения питают душу зрителя (*Carmina* XXVII.512–595) [15]. Таким же образом мозаики базилики Моисея должны были насыщать взгляд и душу, а не желудок и тело, несмотря на то, что изображали съестные плоды. Они заключены в геометрическую орнаментальную рамку: хаос языческого мира с его плотской, материальной роскошью очищается и упорядочивается, преображаясь в гармоничную схему духовного благополучия. В связи с этим возникает вопрос о самом качестве реальности или символичности изображений: конкретный образ превращается в символ.

Изображения местных плодов и деревьев находят параллели в ветхозаветном тексте, касающемся истории пророка Моисея: виноград, гранаты и другие плоды символизировали богатство и плодородие Земли Обетованной. Согласно библейскому тексту, вскоре после исхода из Египта Моисей послал двенадцать разведчиков в Ханаан. Вернувшись, они принесли с собой виноградную кисть, гранаты и смоквы как свидетельство богатства земли Ханаана (Числ. 13:23–24). Позже во Второзаконии перечисляются семь продуктов, символизирующих плодородие Земли Обетованной, куда вёл народ Израиля Моисей: «в землю, где пшеница, ячмень, виноградные лозы, смоковницы и гранатовые деревья, в землю, где масличные деревья и мёд» (Втор. 8:8). Именно с того места, на котором стоит базилика Моисея, пророк созерцал эту землю.

Эти семь продуктов, кроме очевидной значимости для физического благополучия, ассоциировались с благополучием духовным. По тому, в каком состоянии были эти

⁵ Об аналогичной трансформации античного мотива *ἀσάρωτος οἶκος* в раннехристианском контексте см. [18].

растения, можно было судить о милости и благорасположении Бога⁶. Кроме того, катехизис учил, что Бог — создатель всего сущего, и человеку следует посвящать ему плоды своего труда [16, р. 223]. Мозаики, таким образом, могли напоминать о молитве по прибытии в Землю Обетованную, сопровождаемой приношением первых плодов в благодарность за освобождение из египетского плена (Втор. 26:1–11), что, опять же, имело непосредственную символическую связь с географическим положением базилики.

Таким образом, находясь в храме, верующий считывал рассказ об Израильской земле, переведенный на язык символов; выйдя из храма, он мог увидеть её пейзаж с того же ракурса, что и Моисей. В данном контексте неслучайным кажется устройство к западу от базилики на её центральной оси специальной видовой платформы, на которой как раз мог разворачиваться рассказ монахов об окружающих библейских местностях, подобный тому, что слышала Эгерия.

Кроме того, плоды на мозаиках могли вызывать ассоциации с другими конкретными паломническими реалиями, подобными тому, что описывает Эгерия в связи с другим местом, тесно связанным с фигурой Моисея, — горой Синай: «при выходе же из церкви пресвитеры дали нам местное благословение от плодов, которые растут на горе» (*Itinerarium Egeriae*, III) [2]. Известно, что фрукты (наряду с хлебом) часто могли служить в качестве *εὐλογία* — небольших даров, благословлённых священником или монахами и раздаваемых по особым случаям. Эта обычная раннехристианская практика стала распространённым явлением в повседневной жизни Византийской империи, особенно с развитием паломничества на рубеже IV–V вв. [38, р. 254–255]. Выложенный на мозаике нож, служащий символическим призывом вкушать изображённые фрукты, вместе с возможной памятью об античной традиции изображения плодов в контексте священной трапезы, может усиливать эту ассоциацию.

Другое интересующее нас мозаичное панно располагалось также в приделе Богородицы, за низкой алтарной преградой, непосредственно предвеля алтарную зону и занимая всю ширину помещения (Илл. 27). Оно изображает две пары животных: двух газелей по краям и двух быков, обращённых к алтарю, служащему осью симметричной композиции. Надпись, идущая над сценой, содержит цитату из псалма: «Тогда возложат на алтарь Твой тельцов» (Пс. 50:21). Взаимодействуя между собой, текст и изображение могли иметь несколько уровней коннотаций, среди которых выделяются условно «иерусалимские» ассоциации⁷.

Псалом 50 в комбинации с изображением встречается на территории Иордании в ещё двух раннехристианских церквях: в мозаиках церкви свв. мучеников Лота и Проккопия в Хирбат-аль-Мухаят (сер. VI в.) и в мозаиках церкви на акрополе Маина (719–720 г.). Более ранняя версия подобной программы, не включающая надпись, украшает церковь Львов в Умм-эр-Расасе (поздний VI в.), где мозаичные быки ориентированы на настоящий алтарь [33, р. 236; 20, р. 203].

⁶ Согласно предсказанию Иоила, эти символы земного плодородия станут бесплодны по вине непослушания Израиля: «Краснейте от стыда, земледельцы, рыдайте, виноградари, о пшенице и ячмене, потому что погибла жатва в поле, засохла виноградная лоза и смоковница завяла; гранатовое дерево, пальма и яблоня, все деревья в поле посохли; потому и веселье у сынов человеческих исчезло» (Иоил. 1:11–12).

⁷ Подробнее про несколько пластов коннотаций мозаичной сцены с 50-м псалмом см. [23].

Следует отметить, что в базилике на горе Нево архитектурная композиция с алтарём, которую фланкируют быки, устроена значительно сложнее, чем в аналогичных сценах из Хирбат-аль-Мухаят или Маина. На мозаике алтарь представлен в обрамлении входного портала, напоминающего характерные для синагог региона изображения главного портала Храма Соломона [10, 20], а за мозаичным алтарём изображён киворий на четырёх колонках с куполом над ещё одним алтарём (Рис. 2). Исследователи интерпретируют это изображение как образ Иерусалимского храма, где на алтаре перед Святой Святых был зажжён жертвенный огонь [10, р. 381–382; 20, р. 32–33; 33, р. 151; 40, р. 235–238].

Таким образом, мозаика могла также подчеркнуть связь между базиликой и Иерусалимом. Архитектурно-пространственный контекст придела Богородицы обострял сравнение между древнееврейским и раннехристианским богослужением. Христианский алтарь, находясь непосредственно за мозаикой, метафорически заменял собой алтарь во внутреннем дворе иудейского Храма [10; 11]. В результате и для совершающего службу священника, и для паствы, наблюдавшей мозаику через низкую преграду, сцена и текст псалма подчеркивали типологическую параллель между традицией иудейского жертвоприношения в Иерусалимском храме и таинством Евхаристии в базилике: вероятно, эта аналогия могла получать буквальное воплощение в процессе литургии [23, р. 290, nt. 37]. Эта связь горы Нево и Иерусалима была и чисто пространственной: покидая базилику, верующий выходил в направлении Иерусалима, находящегося меньше чем в 50 километрах от Нево.

И мозаичная сцена, изображающая жертву в Иерусалимском храме, и полный текст псалма («воздвигни стены Иерусалима»), к которому отсылала цитата, вызывал в памяти священный город и его *locus sanctus*. Христианская культура в VI в. воспринимала Храм Соломона, описание которого находится в Ветхом Завете (3Цар. 6–7; 2Пар. 2–4), как величайшее произведение архитектуры. Увлечение образом Иерусалимского храма существовало в этот период на разных территориях Римской империи, в литературе проводилось множество сравнений между ним и юстиниановскими постройками (Святой Софией Константинопольской, церковью Святого Полиевкта и др.) [31; 42]. Значительной частью архитектурной программы Юстиниана стал Иерусалим, где развернулись широкие строительные работы, отголосок которых ощущался и в районе горы Нево.

Возможно, этот строительный бум середины VI в. в Иерусалиме и окружающем регионе мог ассоциироваться местными верующими с 50-м псалмом. Через мозаики, сопоставляемые с современной иерусалимской строительной программой, базилика

Рис. 2. Иерусалимский храм. Фрагмент мозаичного панно с иллюстрацией 50-го псалма. Базилика Моисея на горе Нево, придел Богородицы. Ок. 604 г. Воспроизводится по: [29, р. 302]

Моисея также становилась метафорическим продолжением «стен Иерусалима», упоминаемых в библейском тексте. Однако псалом в этот период интерпретировался как призыв восстановить не только Иерусалим земной, физический, но и Иерусалим Небесный, духовный [23, р. 295]. В последнем случае псалом приобретал эсхатологический смысл⁸. В этом контексте актуализируется райский топос в декорации базилики Моисея: идея о Небесном Иерусалиме, ассоциирующаяся с мозаикой придела Богородицы, получала развитие в остальном пространстве церкви, украшенном растениями и фруктами, создающими образ Рая.

Особый интерес представляет также фигуративная композиция т.н. диаконника-баптистерия (530–531 гг., была закрыта мозаикой с фруктами и геометрическими мотивами в конце VI в.), состоящая из нескольких рядов охотничьих и пастушеских сцен (Илл. 28). Сакральная география раскрывается здесь под другим ракурсом, чем в предыдущих мозаиках, охватывая не только Палестину, но и все мироздание.

Большую часть диаконника-баптистерия занимало панно, разделяющееся на четыре регистра с изображением отдельных охотничьих и пастушеских сцен. В первом ряду располагаются две сцены охоты: эфиоп держит на привязи страуса, а юноша в персидском одеянии и фригийской шапке ведёт за собой зебру и верблюда или жирафа. Во втором ряду пастух, сидящий на камне под деревом, пасёт стадо овец и коз, щиплющих деревья. В третьем ряду два конных охотника в сопровождении собак пронзают копьями медведя и кабана. В четвёртом ряду молодой пастух отбивается от нападающего льва, защищая быка, привязанного к дереву, а солдат со щитом во фригийской шапке вонзает копьё в нападающую на него львицу. Сцены исполнены с особым вниманием к деталям: тщательно переданы особенности одежды (персидское и эфиопское платье), окраса животных, упряжь лошадей и вооружение. Фон между фигурами оживляют цветочные мотивы. Среди разнообразных деревьев, изображённых в сцене с пастухом и охотой на львов, можно опознать гранаты, яблоки, груши и сливы [36, р. 276–277].

Многим отдельным сценам находится ряд параллелей в монументальной живописи региона⁹. Возможно, что изображения экзотических животных происходят из книг образцов Александрийского зоопарка, созданного Птолемеем II и служившего для организации торжественного дионисийского шествия¹⁰. Помимо парада Птолемея II, самым выдающимся римским триумфом было ориентированное на него триумфальное шествие императора Аврелиана после повторного захвата Востока в 272 г. Примечательно, что экзотические животные (львы, жирафы, слоны, в том числе животные, привезенные из Палестины) шли маршем, выстроившись в ряды по видам, как утверждает *Historia Augusta* [28, р. 461]. Подобное шествие *per ordinem* представляется параллелью композиции мозаики, в которой фигуры располагаются также упорядо-

⁸ Он ясно замечен в раннехристианской экзегезе, например, в комментарии Феодорита Кирского, интерпретирующем отсылку к Сиону как пророчество о постройке Небесного Иерусалима на земле. Блаженный Феодорит Кирский [4, с. 181–182].

⁹ Сцена с охотником, вооруженным копьем и атакующим льва, находится в церкви диакона Фомы близ Айн-Муса, приделе мученика Феодора при соборе Мадабы, церкви св. Кириака в аль-Кувайсме; сцена с охотником, вооруженным копьем и щитом, нападающим на пантеру — в Зале Ипполита в Мадабе; охотник на медведя — в церкви свв. Лота и Прокопия; охотник на кабана — в Доме Диониса в Джемиле; эфиоп, ведущий экзотическое животное, — в церкви в Безр-Шема (Be'er Shem'a) и Бет-Шеан и др. [20, р. 163–173].

¹⁰ Подробнее см. [27; 28].

ченно по регистрам. О том, что память о подобных парадах могла быть жива в VI в., говорит описание аналогичного шествия в 496 г. у Тимофея из Газы, который, в частности, упоминает индийца, привезшего двух жирафов и слона в подарок императору Анастасию [17, р. 407].

Символизм императорских шествий сводился к идее власти императора над миром [30, р. 168]. В церковном контексте сцена могла иметь схожий смысл, представляя всё разнообразие Божьего творения, символически отображая весь созданный Богом мир с разными народами и занятиями, животными и растениями. Акцент на символическом собирании всех земель как образа мироздания находит параллели, например, в экфрасисе Святой Софии Константинопольской Павла Силенциария¹¹ и укладывается в рамки юстиниановской имперской риторики.

Изображения персов и эфиопа из мозаики диаконника могли создавать собирательный образ прекрасного Востока, где, согласно христианской традиции того времени, должен был располагаться Рай¹². Райский топос в целом может выступать иным, объединяющим всю декоративную программу уровнем интерпретации упомянутых мозаик: связанный с локальным контекстом образ Земли Обетованной, создаваемый изображениями фруктов, актуализировал для паломников также более общий образ райского сада; к райской теме восходил и образ Иерусалимского храма из мозаики придела Богородицы, отсылающий к Небесному Иерусалиму.

Таким образом, тема сакральной географии раскрывается в декоративном убранстве базилики на горе Нево на нескольких уровнях. Во-первых, в мозаичных сюжетах находит отражение образ города, Земного и Небесного Иерусалима. Во-вторых, в редуцированном или, скорее, концентрированно символическом виде местных фруктов возникает образ Земли Обетованной, так же, как и Иерусалим, нагруженный библейской семантикой. И, в-третьих, в базилике появляется собирательный образ мира, вбирающего в себя разные страны и земли, как олицетворение всего божественного творения. При этом хронологически первым, в первой трети VI в., в базилике появился самый широкий из этих образов — образ мироздания, чтобы затем на рубеже VI–VII в. уступить место более конкретным географическим ассоциациям, исключительно важным для посещавших церковь Моисея паломников, искавших в окружающем ландшафте подтверждения истинности слов Писания.

Литература

1. *Виноградов А. Ю., Захарова А. В., Черноглазов Д. А.* Храм Святой Софии Константинопольской в свете византийских источников. — СПб.: Пушкинский Дом, 2018. — 485 с.
2. Православный палестинский сборник. Т. 7. Вып. 2 (20): Паломничество по святым местам кон-

¹¹ Подробнее об экфрасисах Святой Софии см. [1].

¹² Ассоциация Рая с Востоком была настолько сильна, что, например, исток Нила, отождествлявшегося с райской рекой Геон, специально помещался на восток в нарушение реальной географии. См. [3, с. 232–233]. Если же принять во внимание мозаичные надписи, обрамляющие панно с запада и востока и упоминающие множество людей самого разного социального положения (мозаичистов, адвокатов с их домом, игумена и священника, епископа, консулов), то уместными выглядят параллели с толкованием Феодорита Кирского. Для него разные характеристики животных не только подчеркивают различия темпераментов, но также и социальных классов внутри Церкви — все они становятся достойными крещения, становясь частью прообраза мирного райского сосуществования (*Explanatio in Isaiam*, 11.425) [32].

- ца IV века. URL: https://azbyka.ru/otechnik/Istorija_Tserkvi/palomничество-po-svjatym-mestam-kontsa-4-veka/ (дата обращения: 04.11.2024).
3. Сусленков В. Е. Египетские мотивы и образ земного Рая на напольных мозаиках в раннехристианских церквях Ближнего Востока // Византийский Временник. — 2011. — Т. 70 (95). — С. 219–235.
  4. Творения святых отцов и учителей церкви. Т. 2: Блаженный Феодорит Кирский. Изъяснение псалмов. — М.: Издательский Совет Русской Православной Церкви, 2004. — 536 с.
  5. *Acconci A.* Elements of the Liturgical Furniture // Mount Nebo: New Archaeological Excavations 1967–1997 / Eds. M. Piccirillo, E. Alliata. — Jerusalem; Gorle: Editrice Velar, 1998. — P. 468–542.
  6. *Bader G.* Paula and Jerome: towards a theology of Late Antique pilgrimage // International Journal for the Study of the Christian Church. — 2018. — No. 18 (4). — P. 344–353.
  7. *Bianchi D.* A Shrine to Moses. A reappraisal of the Mount Nebo Monastic Complex between Byzantium and Islam. — Vienna: Austrian Academy of Sciences Press, 2021. — 240 p.
  8. *Bisheh G.* An Iconographic Detail from Khirbet al-Majar: The Fruit-and-Knife Motif // The Archaeology of Jordan and Beyond: Essays in Honor of James A. Sauer / Eds. L. E. Stager, J. A. Greene, M. D. Coogan. — Winona Lake, IN: Eisenbrauns, 2000. — P. 59–65.
  9. *Bitton-Ashkelony B.* Encountering the Sacred: The Debate on Christian Pilgrimage in Late Antiquity. — Berkeley: University of California Press, 2005. — 250 p.
  10. *Branham J. R.* Sacred Space under Erasure in Ancient Synagogues and Early Churches // The Art Bulletin. — 1992. — No. 74. — P. 375–391.
  11. *Branham J. R.* Mapping Sacrifice on Bodies and Spaces in Late-Antique Judaism and Early Christianity // Architecture of the Sacred: Space, Ritual, and Experience from Classical Greece to Byzantium / Eds. B. D. Wescoat, R. G. Ousterhout. — Cambridge: Cambridge University Press, 2012. — P. 201–230.
  12. *Cianca J.* Written by the Body: Early Christian Pilgrims as Sacred Placemakers // International Journal of Religious Tourism and Pilgrimage. — 2019. — No. 7 (1). — P. 11–21.
  13. *Corbo V.* Nuovi scavi archeologici nella cappella del battistero della basilica del Nebo (Siyagha) // Liber Annuus. — 1967. — No. 17. — P. 241–258.
  14. *Corbo V.* Scavi archeologici sotto i mosaici della basilica del Monte Nebo (Siyagha) // Liber Annuus. — 1970. — No. 20. — P. 273–298.
  15. Corpus Scriptorum Ecclesiasticorum Latinorum. Vol. 30: Sancti Pontii Meropii Paulini Nolani Opera. Pars II: Carmina. — Praga; Vindobonae: F. Tempsky; Lipsiae: G. Freytag, 1894. — 453 p.
  16. *Dauphin C. M.* Inhabited Scrolls from the 4th to the 7th Century A.D. in Asia Minor and the Eastern Provinces of the Byzantine Empire (unpublished Ph.D. thesis). — Edinburgh, 1974. — 369 p.
  17. *Dauphin C. M.* Byzantine Pattern Book: A Re-Examination of the Problem in the Light of the ‘Inhabited Scroll’ // Art History. — 1978. — No. 1. — P. 400–423.
  18. *Fathy E.* From Earthly to Divine: The Transition of the asàrotos oikos Motif into Late Antiquity and Early Christian Art // Humanitas. — 2020. — No. 75. — P. 93–120.
  19. *Frank G.* The Memory of the Eyes: Pilgrims to Living Saints in Christian Late Antiquity. — Berkeley: University of California, 2000. — 219 p.
  20. *Hachlili R.* Ancient Mosaic Pavements: Themes, Issues, Trends. — Leiden: Brill, 2009. — 317 p.
  21. *Hamarneh B.* Topografia cristiana ed insediamenti rurali nel territorio dell’odierna Giordania nelle epoche bizantina ed islamica: V–VIII sec. — Città del Vaticano: Pontificio Istituto di Archeologia Cristiana, 2003. — 348 p.
  22. *Külzer A.* Pilgrims on their Way in the Holy Land: Roads and Routes According to Byzantine and Post-Byzantine Travel Accounts // Pilgrimage to Jerusalem. Journeys, Destinations, Experiences across Times and Cultures: Proceedings of the Conference held in Jerusalem, 5th to 7th December 2017 / Eds. F. Daim, J. Pahlitzsch, J. Patrich, C. Rapp, J. Seligman. — Heidelberg: Propylaeum, 2020. — P. 11–21.
  23. *Leatherbury S. V.* Competitive Sacrifice: Christian Visual Engagement with Jewish Sacrificial History and the Temple in Late Antique Arabia // Jewish Art in its Late Antique Context. Texts and Studies in Ancient Judaism. — 2016. — No. 63. — P. 279–302.
  24. *Maraval P.* Lieux saints et pèlerinages d’Orient. Histoire et géographie des origines à la conquête arabe. — Paris: Éditions du Cerf, 1985. — 448 p.
  25. *Maraval P.* Les itinéraires de pèlerinage en Orient (entre le 4e et le 7e s.) // Akten des XII. Internationalen Kongresses für christliche Archäologie: Bonn, 22–28 September 1991 / Eds. E. Dassmann, J. Engemann. — Città del Vaticano: Pontificio Istituto di Archeologia Cristiana; Münster: Aschendorff, 1995. — P. 291–300.

26. *Maraval P.* The Earliest Phase of Christian Pilgrimage in the Near East (before the 7th Century) // DOP. — 2002. — No. 56. — P. 63–74.
27. *Michaeli T.* Allusions to the Nile and Nilotic Landscape in Ancient Art in Israel // *Lieux de mémoire en Orient grec à l'époque impériale* / Ed. A. *Gangolff*. — Bern: Peter Lang, 2013. — P. 109–138.
28. *Miziur M.* Exotic Animals as a Manifestation of Royal luxuria. Rulers and Their Menageries: From the Pompe of Ptolemy II Philadelphus to Aurelian // *Phasis. Greek and Roman Studies*. — 2012–2013. — No. 15–16. — P. 451–465.
29. Mount Nebo: New Archaeological Excavations 1967–1997 / Eds. *M. Piccirillo, E. Alliata*. — Jerusalem; Gorle: Editrice Velar, 1998. — 634 p.
30. *Ostenberg I.* Staging the World: Spoils, Captives, and Representations in the Roman Triumphal Procession. — Oxford, New York: Oxford University Press, 2009. — 327 p.
31. *Ousterhout R.* New Temples and New Solomons: The Rhetoric of Byzantine Architecture // *The Old Testament in Byzantium* / Eds. *P. Magdalino, R. Nelson*. — Washington, D. C.: Dumbarton Oaks, 2010. — P. 223–304.
32. *Patrologiae Cursus Completus, Series Graeca. Vol. 81: Theodoretii Cyrensis Episcopi Opera Omnia. Tomus Secundus* / Ed. *J.-P. Migne*. — Paris: Ateliers catholiques du Petit Montrouge, 1864. — 1988 cols.
33. *Piccirillo M.* The Mosaics of Jordan. — Amman: American Center of Oriental Research, 1993. — 383 p.
34. *Piccirillo M.* The Exploration // Mount Nebo: New Archaeological Excavations 1967–1997 / Eds. *M. Piccirillo, E. Alliata*. — Jerusalem; Gorle: Editrice Velar, 1998. — P. 13–52.
35. *Piccirillo M.* Pilgrims' Texts // Mount Nebo: New Archaeological Excavations 1967–1997 / Eds. *M. Piccirillo, E. Alliata*. — Jerusalem; Gorle: Editrice Velar, 1998. — P. 71–83.
36. *Piccirillo M.* The Mosaics // Mount Nebo: New Archaeological Excavations 1967–1997 / Eds. *M. Piccirillo, E. Alliata*. — Jerusalem; Gorle: Editrice Velar, 1998. — P. 265–371.
37. *Pullan W.* Intermingled until the End of Time: Ambiguity as a Central Condition of Early Christian Pilgrimage // *Pilgrimage in Greco-Roman and Early Christian Antiquity: Seeing the Gods* / Eds. *J. Elsner, I. Rutherford*. — Oxford: Oxford University Press, 2005. — P. 387–409.
38. *Ritter M.* Do ut des: The Function of Eulogiai in the Byzantine Pilgrimage Economy // *Pilgrimage and Economy in the Ancient Mediterranean* / Eds. *A. Collar, T. M. Kristensen*. — Leiden: Brill, 2020. — P. 254–284.
39. *Roll I.* The Roads in Roman-Byzantine Palaestina and Arabia // *The Madaba Map Centenary 1897–1997: Travelling through the Byzantine Umayyad Period. Proceedings of the International Conference held in Amman, 7–9 April 1997* / Eds. *M. Piccirillo, E. Alliata*. — Jerusalem: Franciscan Printing Press, 1999. — P. 108–113.
40. *Saller S. J.* The Memorial of Moses on Mount Nebo: Part I. The Text. — Jerusalem: Franciscan Printing Press, 1941. — 371 p.
41. *Schumacher G.* Ergebnisse meiner Reise durch Ḥaurān, 'Adschlūn und Belkā // *Zeitschrift des Deutschen Palästina-Vereins*. — 1893. — No. 16. — S. 72–83.
42. *Talgam R.* The Representation of the Temple and Jerusalem in Jewish and Christian Houses of Prayer in the Holy Land in Late Antiquity // *Jews, Christians, and the Roman Empire: The Poetics of Power in Late Antiquity* / Eds. *N. B. Dohrmann, A. Y. Reed*. — Philadelphia: University of Pennsylvania Press, 2013. — P. 222–248.

Название статьи. География земная и сакральная в декоративной программе раннехристианской церкви пророка Моисея на горе Нево

Сведения об авторе. Вернер, Анжелика Олеговна — аспирант. Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова, ул. Ленинские Горы, 1, Москва, Российская Федерация, 119991; Ведущий методист. Музейное объединение «Музей Москвы», Зубовский бульвар, д. 2, стр. 7, Москва, Российская Федерация, 119021. angelique.verner@yandex.ru; SPIN-код: 6668-5407; ORCID: 0000-0002-3628-8320.

Аннотация. Система декорации паломнической базилики пророка Моисея на горе Нево, включавшая множество напольных мозаик и резьбу мраморной кафедры и алтарных преград, складывалась на протяжении всего VI в. и окончательно оформилась в начале VII в. Одной из её особенностей являлась значимость библейской географии, по-разному преломлявшейся в мозаичных сюжетах.

Паломнические тексты свидетельствуют о первостепенном внимании, которое верующие уделяли видам Палестины: местные монахи актуализировали их для паломников рассказами о библейской

истории и чтением соответствующих псалмов. Посредством мозаик эти виды служили осязаемым подтверждением слов Писания даже тогда, когда паломники находились внутри церкви и не видели настоящих пейзажей.

Тема сакральной географии раскрывается в декоративном убранстве базилики на нескольких уровнях. Во-первых, в мозаичном сюжете, иллюстрирующем псалом 50, находит отражение образ города, Земного и Небесного Иерусалима. Во-вторых, в символических изображениях местных фруктов, появляющихся и в мозаике, и в резьбе, возникает образ Земли Обетованной, напрямую связанной с пророком Моисеем, впервые узревшим её с горы Нево. И, в-третьих, в мозаике с охотничьими и пастушескими сценами в базилике возникает собирательный образ мира, вбирающего в себя разные страны и земли, как олицетворение всего божественного творения. При этом хронологически первым, в первой трети VI в., в базилике появляется самый широкий из этих образов — образ мироздания, чтобы затем на рубеже VI–VII в. уступить место более конкретным географическим ассоциациям, исключительно важным для посещавших церковь Моисея паломников, искавших в окружающем ландшафте подтверждения истинности слов Писания.

Ключевые слова: раннехристианская мозаика, декоративная программа, паломническая архитектура, базилика пророка Моисея, гора Нево, искусство Трансиордании

Title. Real and Sacral Geography in the Decorative Program of the Early Christian Basilica of Moses on Mount Nebo

Author. Verner, Anzhelika O. — Ph. D. student. Lomonosov Moscow State University, Leninskiye Gory, 1, 119991 Moscow, Russian Federation; Head methodologist. The Museum of Moscow, Zubovskiy boulevard, 2, 119021 Moscow, Russian Federation; angeliq.verner@yandex.ru; SPIN-code: 6668-5407; ORCID: 0000-0002-3628-8320

Abstract. The decorative program of the pilgrimage basilica of the prophet Moses on Mount Nebo included numerous floor mosaics and marble carvings of the pulpit and the chancel screens. It developed throughout the 6th century and finally took shape in the early 7th century. One of its distinctive features was the importance of biblical geography, which was treated differently in various mosaic panels.

The Pilgrimage texts show the primary attention that the believers paid to the views of Palestine. Local monks actualized them for pilgrims by recalling the biblical narrative and reciting the corresponding psalms. Through mosaics, these views served as tangible confirmation of the words of the Scriptures even when the pilgrims were inside the church and did not see the real landscape.

The theme of sacred geography is revealed in the decoration of the basilica on several levels. Firstly, the mosaic scene illustrating the Psalm 50 presents the image of the city, both Earthly and Heavenly Jerusalem. Secondly, the symbolic images of local fruits appearing both in the mosaic and in the carving allude to the image of the Promised Land, directly linked to the prophet Moses, who is believed to have first seen it from Mount Nebo. And, thirdly, in the mosaic with hunting and pastoral scenes a collective image of the world emerges, gathering different countries and lands as representing the divine creation. Chronologically, the broadest of these images (universum) was the earliest among these three to appear in the basilica in the first third of the 6th century. Then, at the turn of the 6th-7th centuries it ceded place to more specific geographical associations, extremely important for the pilgrims who visited the basilica of Moses and who sought to confirm the words of the Scriptures with the views of the surrounding landscape.

Keywords: Early Christian mosaic, decorative program, pilgrimage architecture, basilica of Moses, mount Nebo, art of Transjordan

References

- Acconci A. Elements of the Liturgical Furniture. *Mount Nebo: New Archaeological Excavations 1967–1997*. Jerusalem; Gorle, Editrice Velar Publ., 1998, pp. 468–542.
- Bader G. Paula and Jerome: Towards a Theology of Late Antique Pilgrimage. *International Journal for the Study of the Christian Church*, 2018, no. 18 (4), pp. 344–353.
- Bianchi D. *A Shrine to Moses. A Reappraisal of the Mount Nebo Monastic Complex between Byzantium and Islam*. Vienna, Austrian Academy of Sciences Press Publ., 2021. 240 p.
- Bisheh G. An Iconographic Detail from Khirbet al-Majar: The Fruit-and-Knife Motif. *The Archaeology of Jordan and Beyond: Essays in Honor of James A. Sauer*. Winona Lake, Indiana, Eisenbrauns Publ., 2000, pp. 59–65.

Bitton-Ashkelony B. *Encountering the Sacred: The Debate on Christian Pilgrimage in Late Antiquity*. Berkeley, University of California Press Publ., 2005. 250 p.

Branham J. R. Mapping Sacrifice on Bodies and Spaces in Late-Antique Judaism and Early Christianity. *Architecture of the Sacred: Space, Ritual, and Experience from Classical Greece to Byzantium*. Cambridge, Cambridge University Press Publ., 2012, pp. 201–230.

Branham J. R. Sacred Space under Erasure in Ancient Synagogues and Early Churches. *The Art Bulletin*, 1992, no. 74, pp. 375–391.

Çetinkaya H. Four Newly Discovered Churches in Bithynia. Zakharova A.; Maltseva S.; Staniukovich-Denisova E. (eds.). *Actual Problems of Theory and History of Art: Collection of Articles, vol. 9*. St. Petersburg, NP-Print Publ., 2019, pp. 244–252. DOI 10.18688/aa199-2-23

Cianca J. Written by the Body: Early Christian Pilgrims as Sacred Placemakers. *International Journal of Religious Tourism and Pilgrimage*, 2019, no. 7 (1), pp. 11–21.

Corbo V. Nuovi scavi archeologici nella cappella del battistero della basilica del Nebo (Siyagha). *Liber Annuus*, 1967, no. 17, pp. 241–258 (in Italian).

Corbo V. Scavi archeologici sotto i mosaici della basilica del Monte Nebo (Siyagha). *Liber Annuus*, 1970, no. 20, pp. 273–298 (in Italian).

Dauphin C. M. Byzantine Pattern Book: A Re-Examination of the Problem in the Light of the “Inhabited Scroll”. *Art History*, 1978, no. 1, pp. 400–423.

Dauphin C. M. *Inhabited Scrolls from the 4th to the 7th Century A.D. in Asia Minor and the Eastern Provinces of the Byzantine Empire (unpublished Ph.D. thesis)*. Edinburgh, 1974. 369 p.

Elsner J.; Rubies J.-P. (eds.). *Voyages and Visions: Towards a Cultural History of Travel*. London, Reaktion Books Publ., 1999. 344 p.

Fathy E. From Earthly to Divine: The Transition of the asarotos oikos Motif into Late Antiquity and Early Christian Art. *Humanitas*, 2020, no. 75, pp. 93–120.

Frank G. *The Memory of the Eyes: Pilgrims to Living Saints in Christian Late Antiquity*. Berkeley, University of California Publ., 2000. 219 p.

Hachlili R. *Ancient Mosaic Pavements: Themes, Issues, Trends*. Leiden, Brill Publ., 2009. 317 p.

Hamarneh B. *Topografia cristiana ed insediamenti rurali nel territorio dell'odierna Giordania nelle epoche bizantina ed islamica: V–VIII sec.* City of Vatican, Pontificio Istituto di Archeologia Cristiana Publ., 2003. 348 p. (in Italian).

Hartel W. von. *Corpus Scriptorum Ecclesiasticorum Latinorum. Vol. 30: Sancti Pontii Meropii Paulini Nolani Opera. Pars II: Carmina*. Praga; Vindobonae, F. Tempsky; Lipsiae, G. Freytag Publ., 1894. 453 p. (in Latin).

Külzer A. Pilgrims on their Way in the Holy Land: Roads and Routes According to Byzantine and Post-Byzantine Travel Accounts. *Pilgrimage to Jerusalem. Journeys, Destinations, Experiences across Times and Cultures: Proceedings of the Conference held in Jerusalem, 5th to 7th December 2017*. Heidelberg, Propylaeum Publ., 2020, pp. 11–21.

Leatherbury S. V. Competitive Sacrifice: Christian Visual Engagement with Jewish Sacrificial History and the Temple in Late Antique Arabia. *Jewish Art in its Late Antique Context. Texts and Studies in Ancient Judaism*, 2016, no. 63, pp. 279–302.

Limor O. “Holy Journey”: Pilgrimage and Christian Sacred Landscape. *Christians and Christianity in the Holy Land*. Turnhout, Brepols Publ., 2006, pp. 321–353.

Maguire H. *Earth and Ocean: The Terrestrial World in Early Byzantine Art*. University Park; London, Pennsylvania State University Press Publ., 1987. 109 p.

Maraval P. Les itinéraires de pèlerinage en Orient (entre le 4e et le 7e s.). *Akten des XII. Internationalen Kongresses für christliche Archäologie: Bonn, 22–28 September 1991*. City of Vatican, Pontificio Istituto di Archeologia Cristiana Publ.; Münster, Aschendorff Publ., 1995, pp. 291–300 (in French).

Maraval P. *Lieux saints et pèlerinages d'Orient. Histoire et géographie des origines à la conquête arabe*. Paris, Éditions du Cerf Publ., 1985. 448 p.

Maraval P. The Earliest Phase of Christian Pilgrimage in the Near East (before the 7th Century). *Dumbarton Oaks Papers*, 2002, no. 56, pp. 63–74.

Michaeli T. Allusions to the Nile and Nilotic Landscape in Ancient Art in Israel. *Lieux de mémoire en Orient grec à l'époque impériale*. Bern, Peter Lang Publ., 2013, pp. 109–138.

Medennikova A. E. Conches in Early Christian Art: Borders of Spatial Perception. Zakharova A.; Maltseva S.; Staniukovich-Denisova E. (eds.). *Actual Problems of Theory and History of Art: Collection of Articles, vol. 9*. St. Petersburg, NP-Print Publ., 2019, pp. 210–219. DOI 10.18688/aa199-2-20 (in Russian).

Migne J.-P. (ed.). *Patrologiae Cursus Completus, Series Graeca. Vol. 80–84: Theodoretii Cyrensis Episcopi Opera Omnia*. Paris, Ateliers catholiques du Petit Montrouge Publ., 1860–1864.

Miziur M. Exotic Animals as a Manifestation of Royal Luxuria. Rulers and Their Menageries: From the Pompe of Ptolemy II Philadelphus to Aurelian. *Phasis. Greek and Roman Studies*, 2012–2013, no. 15–16, pp. 451–465.

Obraztsova K. B. The Animalistic Mosaics in Early Christian Macedonia. Zakharova A.; Maltseva S.; Staniukovich-Denisova E. (eds.). *Actual Problems of Theory and History of Art: Collection of Articles, vol. 11*. St. Petersburg, St. Petersburg University Publ., 2021, pp. 408–421. DOI 10.18688/aa2111-04-32 (in Russian).

Ostenberg I. *Staging the World: Spoils, Captives, and Representations in the Roman Triumphal Procession*. Oxford; New York, Oxford University Press Publ., 2009. 327 p.

Ousterhout R. New Temples and New Solomons: The Rhetoric of Byzantine Architecture. *The Old Testament in Byzantium*. Washington, DC, Dumbarton Oaks Publ., 2010, pp. 223–304.

Piccirillo M. *Chiese e Mosaici di Madaba*. Jerusalem, Franciscan Printing Press Publ., 1989. 374 p. (in Italian).

Piccirillo M. *The Mosaics of Jordan*. Amman, American Center of Oriental Research Publ., 1993. 383 p.

Piccirillo M. The Activity of the Mosaicists of the Diocese of Madaba at the Time of Bishop Sergius in the Second Half of the Sixth Century A.D. *Studies in the History and Archaeology of Jordan*, 1995, no. 5, pp. 391–398.

Piccirillo M. The Exploration. *Mount Nebo: New Archaeological Excavations 1967–1997*. Jerusalem; Gorle, Editrice Velar Publ., 1998, pp. 13–52.

Piccirillo M. Pilgrims' Texts. *Mount Nebo: New Archaeological Excavations 1967–1997*. Jerusalem; Gorle, Editrice Velar Publ., 1998, pp. 71–83.

Piccirillo M. The Mosaics. *Mount Nebo: New Archaeological Excavations 1967–1997*. Jerusalem; Gorle, Editrice Velar Publ., 1998, pp. 265–371.

Piccirillo M.; Alliata E. (eds.). *Mount Nebo: New Archaeological Excavations 1967–1997*. Jerusalem; Gorle, Editrice Velar Publ., 1998. 634 p.

Pullan W. Intermingled until the End of Time: Ambiguity as a Central Condition of Early Christian Pilgrimage. *Pilgrimage in Greco-Roman and Early Christian Antiquity: Seeing the Gods*. Oxford, Oxford University Press Publ., 2005, pp. 387–409.

Ritter M. Do ut des: The Function of Eulogiai in the Byzantine Pilgrimage Economy. *Pilgrimage and Economy in the Ancient Mediterranean*. Leiden, Brill Publ., 2020, pp. 254–284.

Roll I. The Roads in Roman-Byzantine Palaestina and Arabia. *The Madaba Map Centenary 1897–1997: Travelling through the Byzantine Umayyad Period. Proceedings of the International Conference held in Amman, 7–9 April 1997*. Jerusalem, Franciscan Printing Press Publ., 1999, pp. 108–113.

Saller S. J. *The Memorial of Moses on Mount Nebo: Part I. The Text*. Jerusalem, Franciscan Printing Press Publ., 1941. 371 p.

Schumacher G. Ergebnisse meiner Reise durch Haurān, 'Adschlūn und Belkā. *Zeitschrift des Deutschen Palästina-Vereins*, 1893, no. 16, pp. 72–83 (in German).

Suslenkov V. E. Egyptian Motifs and the Image of the Earthly Paradise on the Floor Mosaics of early Christian Churches of the Middle East. *Vizantiiskii Vremennik*, 2011, vol. 70 (95), pp. 219–235 (in Russian).

Talgam R. The Representation of the Temple and Jerusalem in Jewish and Christian Houses of Prayer in the Holy Land in Late Antiquity. *Jews, Christians, and the Roman Empire: The Poetics of Power in Late Antiquity. Philadelphia*, University of Pennsylvania Press Publ., 2013, pp. 222–248.

Vinogradov A.; Zakharova A.; Chernoglazov D. *Khram Sviatoi Sofii Konstantinopol'skoi v svete vizantiiskikh istochnikov (The Church of Hagia Sophia in Constantinople in the Light of the Byzantine Sources)*. Saint-Petersburg, Pushkinskiy dom Publ., 2018. 486 p. (in Russian).

Vitto F. Wall Decoration of Early Byzantine Churches and Synagogues in the Eastern Mediterranean. Zakharova A.; Maltseva S.; Staniukovich-Denisova E. (eds.). *Actual Problems of Theory and History of Art: Collection of Articles, vol. 9*. St. Petersburg, NP-Print Publ., 2019, pp. 198–209. DOI 10.18688/aa199-2-19

Илл. 26. Мозаичное панно с изображением фруктов. Базилика Моисея на горе Нево, диаконник-баптистерий. Кон. VI в. Фотография Carole Raddato. CC BY-SA 2.0. URL: <https://fic.kr/p/2krevm5>

Илл. 27. Мозаичное панно с иллюстрацией 50-го псалма. Базилика Моисея на горе Нево, придел Богородицы. Ок. 604 г. Фотография Jean-Pierre Dalbéra. CC BY 2.0. URL: <https://fic.kr/p/EvHYCh>

Илл. 28. Мозаичное панно с охотничьими и пастушескими сценами. Базилика Моисея на горе Нево, диаконник-баптистерий. 530-531 г. Фотография Carole Raddato. CC BY-SA 2.0. URL: <https://fic.kr/p/23TA3tY>